

Михаил Матвеевич Херасков (1733-1807)

Солнце

Великолепная планета,
Дарующа вселенной день,
Блистательный источникъ света,
Лампада мира, — Божья тень! —
Твое недремлющее око,
Всходя на горизонт высоко,
Во всю вселенну долу зрит;
Небесны своды освещает,
Глубоки бездны посещает,
Всё греет, — всё животворит.

Когда Господь устроил землю
И небом вокруг ее облек, —
Я слово Творческое внемлю:
Да будет свет! Он в мыслях рек:
Свет бысть! и в шар совокупился;
Тогда твой светлый лик явился —
Златою пеленой заря
Новорожденный мир покрыла,
И все небесныя светила
Тебя сретали, какъ Царя.

В дубровах птиц приятны хоры
Приветствие твое поют,
Куреньем благовонным горы,
Тебя поля и дебри чтут. —
Твоим сияньем притупленны
Не могут наши очи бrenны
Зреть яркость блеска твоего:
Мы так не можем видеть Бога,
Проникнуть внутрь Его чертога; —
Но ты не Бог, — а трон Его.

Когда лучи твои явятся
И лик твой землю озарит;
Все твари в мире пробудятся,
Лишь роскошь и беспечность спит.
Стада бегуть на жирну паству —
И вран и змий находят яству;
Ты всходишь мир возобновить;
Мы сном как смертью усыпленны,
Твоим влияньем воскрешенны,
Вседневно начинаем жить.

Сквозь тучи проглянув лучами,
Свои скрывая красоты,
Какими райскими цветами
Дугу рисуешь в мраках ты!
Нам в радостных восторгах мнится,
Что хочет небо съединиться, —
И съединилось с землей;
Что нарисуеться дорога
Из тленности ко граду Бога
Для добродетельных людей.

Разгнав туманы, оживляешь
Всея Природы существа;
Но жизнь отколе почерпаешь? —
Ты, Солнце, искра Божества!
Где Дух предвечный обитает,
Который мир одушевляет,
Твореньям бытие дает;
Дохнет, и кедр Ливанский зреет,
Дохнет, и поле зеленеет,
Дохнет, всё дышет, всё растет.

Твоим что в мире оком зримо,
Всё тлеет, рушится, падет
Но ты само неистоцимо,
Всегда твой чист и полон свет;
Разрушились гор громады,
Исчезли царства, троны, грады,
Иссякли сонмы бурных вод;
Как искры гаснут человеки;
Не пременялся многи веки
Твой исполинский в мире ход.

Но, Солнце, ты само не вечно,
И ты угаснешь наконец;
Всею творенью скоротечно
Назначил бытие Творец;
И ты с звездами помрачишься,
В источник прежний возвратишься,
Откуда свет твой проистек; —
Но раз светилом миру данно,
Ты с ризой Вышнего слиянно,
Светиться будешь в ней весь век.

Ночное размышление

Уже ко западу склонилось
Ты, солнце; кроешься — сокрылось; —
Зари вечерней бледный цвет
Древес струится на вершинах;
Престол свой ставит ночь в долинах,

Ей скипетр отдал дневный свет,
И в виде зарева багрова,
Земных паров из за покрова,
Чело возвысила луна —

Предтечей звёзд в ночи она.
Никак чертог открылся брачный!
Мелькают, как сквозь флер прозрачный,
На небе тысящи лампад,
Невидимой рукой возженны;
Картины там изображенны,
Красящая лазурный град. —
И месяц как жених явился,
С землею будто обручился;
Сребристый изливая свет,
Ей в дар жемчужну росу шлет.

Златой порфирой облеченный,
Как Царь, во славе окруженный
Блестящей свитою своей:
Так месяц меж планет сияет,
И тихо, тихо путь свершает,
Любуясь зримою землей;
С ней чаёт будто съединиться,
В водах прозрачных погрузиться,
Смотря на рощи и цветы,
Скатиться хочет с высоты.

Но кто мирам дает законы,
Бесчисленные легионы
Кто движет стройно в их кругах?
Текут, как войски ополченны,
Висять ни чем не подкрепленны,
Орган составя в небесах! —
Се Тот, Кто зримую вселенну,
В ничтожности запечатленну,
Единым словом сотворил;
Возрел; — и светом озарил.

Чудес таких не понимаю.
В восторге, Боже! преклоняю
Мои колена пред Тобой;
Для смертного необычайны,
В Твои проникнуть вечны тайны
Не создан бранный разум мой;
Тебе я создан поклоняться,
Твоим творенью восхищаться,
Всем сердцем Господа любить,
И прахом пред Тобою быть.

Но если Бога ощущаю,
Люблю Его, — о Нем вещаю,

Льзяль быть мне мертвым существом?
Нет! — я бессмертный дух имею,
Наречься Божьим сыном смею,
Могу слиться с Божеством; —
Вещают: будто вся вселенна
Во бытии моем вмещенна;
В нем солнца и луны краса,
И в малом круге небеса.

В задумчивость меня приводит,
Когда на горизонт восходит
Дрожащим шествием луна;
Природа вся умолкнув дремлет,
Не видит око, — слух не внемлет,
Но шепчет мнится тишина,
Что нечто свыше есть такое,
Которое на все земное,
Когда явится звездный трон,
Спасительный наводит сон.

Под синим сводом ясной ночи
Дерзаю мысленные очи
К селеньям горним вознести;
Взношусь! среди миров летаю,
Пределов им не обретаю,
Ни им числа нельзя найти; —
Остановилась мысль смущенна! —
На всех планетах положенна
Божественной руки печать! —
Творенью льзяль Творца понять?

От неба искра отделилась,
Она звездою мне явилась,
Огнистою струей течет, —
Исчезла! знать миров Создатель,
Наденной гордости Каратель,
К нам вестника на землю шлет,
И смертному урок дается,
Что выше меры кто взнесется,
Заняв ученья ложный свет,
Тот в бездну глубоко падет.

Не умствуйте о Боге ложно,
Понять Его умом не можно;
А нам и ночь, и дневный свет,
И небо, и земля, и воды,
Былинка, камень, глас Природы,
Что есть Создатель, вопиет;
Натуры дремлющей в молчанье,
Мне звезды, лунное сиянье,
Путь млечный зримый к небесам,
Вещают громко: Бог твой там!

Там Бог мой в вышних обитает,
Но мысль к творенью обращает,
Дхновеньем мир животворит;
В нощи сияет со звездами,
Во дни является с лучами,
В цветах цветет, — в громах гремит;
Едины взглядом мир объемлет,
Движению песчинки внемлет;
Непостижимый! — вечный Свет!
Где б не был Он, творенья нет.

Вечность

Завеса вечности открылась,
И мир вещественный исчез;
Мне новая земля явилась
И новая краса небес;
Преобразилась вся вселенна,
Из тленной сделалась нетленна. —
Сквозь свет я вижу лучший свет;
Сиял, как солнце, он в начале;
Но чем смотрю я дале — дале,
Тем паче блещет, — но не жжет.

Какое дивное сиянье
Явилось моим очам? —
То прежнее светил слиянье
Составилось в пресветлый храм;
Там души праведных витают,
Со Херувимами летают, —
Познав небесную любовь,
То в чистый свет соединятся,
Играя паки разлучатся,
И веселясь, слиются вновь.

Что в мире сем существовало,
И что имело брэнну плоть,
То в вечности духовным стало:
Везде сияет сам Господь.
Без солнца тамо все светлеет,
И плоть бессмертную имеет;
Нет мраков, бурь, ни облаков;
Перунов слышно чуть шептанье,
И молний сходствует блистанье
Рассвету утренних часов.

Которое всегда парило,
Не отдыхая вдаль текло,

Здесь время крылья отложило
И в недрах вечности легло.
Как в море возвращены реки,
Исчезли в ней летящи веки,
Или как в воздухе слова;
Вкушают души жизни росу,
И смерть, свою отвергнув косу,
Лежит сама во тьме мертва.

С какою радостью Содетель
Зрит души праведников тех,
Любя которы добродетель,
Смирняя плоть, мертвили грех!
Под сенью Божеской порфиры
Настроив сладкострунны лиры,
Хор Ангельский они поют;
Господним взором восхищенны,
Зарями света облеченны
Сиянье сами издают.

А вы, сердца ожесточенны,
Уничтожатели Творца,
Вы вечно, вечно отлученны
От Всемогущего Лица.
Враги внушенной свыше Веры,
Любили вы питать химеры
Плоды развратного ума;
Теперь вы правды свет poznали,
Приблизиться к нему взалкали;
Но вас в оковах держит тма.

Страдальческой венчанны кровью
В мученьях, в скорби, во слезах!
С какой небесною любовью
Вы приняты на небесах!
Чрез кои жизни вы лишились,
Те язвы в свет преобразились,
И луч простерся в темный ад;
Убийцы вашу славу видят,
Свое злодейство ненавидят,
И тусклый потупляют взгляд.

Открытым мне лицом явилась
Натура в новом существе;
О! как она преобразилась,
Сияя в самом Божестве!
В значении своем высоком
Она была Господним оком,

И мысль Его была и слух;
Теперь в спокойство возвращенна,
Ко свойствам Божиим приобщенна,
В ея влилася чистый дух.

Когда в исход веков трубою
Усопших Ангел воззовет;
В земле покрыты долго тмою,
Они проснутся – узрят свет, –
Не будут их дела забвенны,
Им совесть чувства сокровенны
Как в зеркале изобразить;
Грехи, что были им любезны,
Отверзли им горящи бездны;
Над ними Божий гнев гремит.

Но Милость кроткий глас возносит,
Пред Божиим склонясь лицом,
В слезах прощенья грешным просит, –
И Бог вины прощает всем;
Тем всякая печаль забвенна;
Неизмеримая вселенна
Единый кажется чертог,
Единой паствы зрится стадо,
Народы все – едино чадо,
Их Царь, их жизнь – единый Бог!

К Богу Ода

О Ты, Которому вселенна
Единый кажется чертог;
Кем вся натура оживленна,
Непостижимый вечно Бог!
Во храм Твой дивный и священный
Не может ум непросвещенный,
Не может грешник достигнуть:
Для тех труба Сионска трубит,
Кто истину, кто ближних любит,
И за Тобой дерзает в путь.

Куда наш ум ни возлетает,
И вображенье ни парит,
Создатель свыше обитает
И там во славе Он горит.
Седящ на радужном престоле,
Сквозь тверды небеса оттоле,
Сквозь дневный свет, сквозь мрак ночный,
Сквозь вихри, вокруг миры носящи,

Сквозь тучи, облака гремящи,
Ты видишь, Боже! шар земный.

Сия песчинка, погруженна
В пространной мира глубине,
Всегдашней тмою окруженна,
Как искра видима Тебе.
Тобой рожденного от века
На ней Ты видишь человека.
Дрожаще сердце видишь в нем;
Ты помыслы его читаешь,
И Духом с ним Ты обитаешь
На отдаленном круге сем.

Ты видишь мысли дерзновенны,
Подобны легким облакам,
Тебя постигнуть устремленны;
Но Бог непостижим умам!
О смертный! к достиженью Бога
Тебе назначена дорога:
Ищи Его в душе твоей!
Ищи! — но страсти возмутились,
Все наши мысли твоей покрылись,
И Бога скрыли от очей.

Еще ни звезды не сияли,
Не колебался океан;
Огонь, вода и ветры спали,
Начала не было времен;
Но Вышний Сам светил
Собою И правил будущей судьбою;
В смешении стихийном зрел
Небесну твердь, моря и сушу,
Дающу жизнь твореньям, душу;
Лик солнечный пред Ним горел.

Когда веков круги начнутся,
Когда созижден будет свет,
Он знал, где кедры вознесутся,
И где былинка возрастет;
Все таинства Он знал природы;
Взирал на всех животных роды,
Что были, есть, и будут впредь;
Вещам не полагая чину,
Уже Он ведал их судьбину,
И мог им быть не повелеть.

Как солнце землю совещает,
Так солнце освещает Бог.
Его вселенна не вмещает;
Неизмерим Его чертог:
Но все живет Его дхновеньем.

Цветет единым мановеньем,
Вселенну движет перст Его;
Речет — и время течь престанет;
Речет — и солнце вновь проглянет,
И паки сотворится свет.

Но Бог Свое творенье любит,
Храня порядок в мире сем;
Без нужды праха не погубит
Ни капли вод, ни травки в нем.
Кипит ли море, солнце ль тмится,
Все к лучшему концу стремится;
Что кажется нестройством нам,
То к пользе служит всей вселенной:
Но наш разумок ослепленной
Во гневе Бога кажет там.

В златой сияющей порфире,
Всходяще солнце говорит:
Есть Бог, вещей Правитель в мире,
Который жизнь всему дарит.
Прекрасна дочь Его, Природа,
Гласит для каждого народа:
Господь единый всем Отец!
Гласят безплотных стройны лиры,
Бореи, громы и зефиры:
«Велик! непостижим Творец!»

Спокойство Ода

Храни ты добродетель,
И ближним другом будь:
Тогда тебе Содетель
Покажет к щастью путь.

Не златом получают
Спокойство в свете сем;
Не там его встречают,
Где виден страх с мечем.

Не там, где истуканы
Приемлют в жертву лесь;
Где кроются обманы,
И где трепещет честь.

Не там, где раб Фортуны
У ног ея лежит,
И где, направля струны,
Порокам лира льстит.

Ищи его в пустыне,
Ищи в глухих лесах;
Спокойство редко ныне;
А правда — в небесах.

Но правду и спокойство
Нетрудно обрести:
Имей души геройство,
Будь честен и не льсти.

Когда твой дом обилен,
Со ближними делись;
Когда в народе силен,
О ближних ты пекись.

Но естли презираешь
Всеобщее добро,
Ты ядом претворяешь
Честь, славу и серебро.

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык;
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик.
Везде Господь, везде Ты славен,
Во дни, в ночи сияньем равен.

Тебя Твой Агнец златорунный
Всегда изображает нам;
Мы на псалтири сладкострунной
Тебе приносим фимиам.
Прими от нас благодаренье,
Как благовонное куренье.

Ты солнцем смертных освещаешь,
Ты любишь, Боже, нас, как чад;
Ты нас трапезой насыщаешь
И воздвигаешь вышний град;
Ты смертных, Боже, посещаешь
И благодатию питаешь.

Господь! Да во Твои селенья
Воспрянут наши голоса,
И наше пред Тобою пенье
Да будет чистым, как роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебя, Господь, поем и славим.

Размышление о Боге

Непостижимое разсудку Существо,
Душа вселенная, Свет, Сила — Божество!
Невидим будучи, Ты вечен, неприменен;
Мы прах, мы тма, мы тлен, а Ты един нетлен.
Что Ты, и где Ты есь, вселенная Творец?
Ты все, Ты всех существ начало и конец.

Блаженный Августин небесною трубой
Воззвал меня итти повсюду за Тобой;
Он быстрое приняв в подсолнечной паренье,
Искал Тебя, искал, искал во всем творенье:
Искал на сей земле; искал в звездах Тебя —
Не там, не там нашел — но в сердце у себя!

Перуны пламенны, стихии в их борьбе,
Глаголющая нам, суть гласы о Тебе;
И солнцы и миры, не лья которых счислить,
Нас нудят о Тебе в священном страхе мыслить;
Тебя гласят моря и бурных ветров шум:
Но наш Тебя нигде не постигает ум.

Не существуешь Ты ни в солнце, ни в луне;
То мудрых рук Твоих творения одне.
Не существуешь Ты природы во приятстве,
Ни в бедной хижине, ни в храмах, ни в богатстве;
Все прелести — земля, металлы — пыль и прах;
Итак, мой Боже! Ты лишь в чистых есь сердцах.

Но для чего же прах и тленность возлюбя,
Мы гоним от сердец пороками Тебя?
Обвороженные мирскими суетами,
Преображаемся из ангелов скотами?
Что нам, забыв Тебя, сей тлен любить велит?
Почто нас временность, не вечность веселит?

Непостижимости и тайны естества,
Где ищет ум следов чудесна Божества;
Где оку нашему все то, что в мире зримо,
Все дивно, бренно все, и все непостижимо!
Нам славу Вышняго вещаете почто?
Чему вы учите? — и вы, и я ничто.

Нет, нет, вы не ничто; вы внятны числы есть,
Из коих корень числ удобно произвесть;
Мы естли сами чем Создателю подобны,
Так тем, что мы Его вообразить удобны;
От пыли до кремня, от мошки до слона,
Его премудрости вселенная полна.

Не видит Бога кто, тот бедный есть слепец;
Когда творенье есть, так должен быть Творец;
Не мог собою сам прекрасней мир явиться,
Не мог составиться, не мог установиться,
С такой премудростью устроиться не мог;
А та премудрость есть – непостижимой Бог.

Четыре времени вещают нам о Нем,
Царица звезд луна, светяще солнце днем,
Песчинка и гора, что пламень извергает,
Вещает все Творца, но ум не постигает;
Рассудок наш Его во всей природе зрит;
Но зрит Его дела, а Сам везде Он скрыт.

Толкуют Бога мне отважные умы,
Но только в нову тьму ведут из прежней тьмы;
Лишь виден блеск один в великолепном слоге;
Ум внятно говорит о тварях, не о Боге.
О Творче! Ты Себя в Самом Себе хранишь,
И нашим разумах понять Себя претишь.

Довольно для меня великой тайны сей,
Что сердце движется Тобой в груди моей.
Пойму ли Бога я, когда не понимаю,
Как вижу, чувствую, как воздух принимаю?
Но тем уже велик кажуся сам себе,
Что мыслю, что пою, Создатель, о Тебе!

Велик, и купно мал; хоть смыслом одарен,
Мне мнится из вещей я тленных сотворен;
Из тех же я веществ, из коих вся вселенна
Премудро сложена, но вся в составах тленна;
Однако Божий есть вселенная чертог;
Он Духом в ней живет – и так во мне есть Бог!

Он есть во мне, и что без Бога может жить?
Но я достоин ли Его ковчегом быть?
Какою мрачною Он ризой оболочен!
Он чистый свет, я тма; Он свят, а я порочен;
Грех в сердце у меня, грех царствует в крови;
Но Бог живет во мне, так я чертог любви!

Но действует во мне един ли Божий глас?
Иль действует Господь всемошной волей в нас?
Коль действует в душе Его святая сила,
Какая ж тма во мне свет Божий погасила?
И кем я стал грехов под скипетр покорен?
Ах! в духе человек свободным сотворен!

Правило наших чувств имея во уме,
Вращаться властны мы ко свету и ко тме;
Мы властны избирать из двух одну дорогу,

Ко плотским сладостям или ведущу к Богу;
И в том щедрота к нам Господняя видна,
Что воля избирать нам тму и свет дана.

Как действует в мирах могуществом Господь,
Так действуем в себе, имея дух и плоть;
Миры Он сотворил: я Богу подражаю;
Хощу — и тысячи миров воображаю.
Вселенну движет Он, порядок предписав:
Так движу сам в себе я каждой мой состав.

Неизчерпаемый любви океян!
Быть может, человек с Творцем своим слиян!
Коль в теле наших душ сражаемся с врагами,
Он в вечности сулит соделать нас Богами;
Сулит нас приобщить на небе к Божеству:
Кто ж нашему претит в сей славе естеству?

Все те, которы мир поработить хотят,
В сей славе возсиять стихии нам претят;
Вступив между собой во пагубны союзы,
Оне ввергают нас в неразрешимы узы;
Мирскою суетой оне прельщают нас,
И всем, что лестно есть для мыслей и для глаз.

Туманный ради нас имеет Бог покров,
Но нашим Он сердцам явить Себя готов;
Когда б мы пламенем греховным не горели,
Давно бы мы Творца лицом к лицу узрели;
Для развращеннаго и сердца и ума
Не есть Создатель свет: Он есть едина тма.

Но, Боже, Боже мой! хотя от нас Ты скрыт,
Земля мне о Тебе и небо говорит;
Премудрость зрю Твою в колеблемой былинке,
В безчисленных мирах, вод в капле и в пылинке;
В уме души моей Ты впечатлел Себя;
Меня бы не было, коль не было б Тебя!

Небесных бег планет и солнцы и моря
Вещают тварей всех Создателя, Царя;
Но Ты, о Творче! Сам и вся сия вселенна
Печатью таинства для нас запечатленна;
Дозволив о Себе поведать небесам,
Ты можешь постигать Себя — лишь только Сам!

О разуме

На что полезен разум,
Когда всечасно мыслишь,
Какие взять дороги,
Чтоб мне обогатиться,

Чтоб жить и веселиться?
Кто малые доходы
От разума имеет,
Великие доходы
С невинных брать умеет
И с разумом незрелым
В чину богатых зреет.
На что потребен разум?
Я вижу Полидора
Без хитрого рассудка,
Без всякия науки,
А может быть, и мыслей, —
Красавицам он нравен
И между ими славен.
На что потребен разум?
Я вижу, что безумных
Разумными считают;
Людей, бесстыдством шумных,
За острых почитают.
На что полезен разум,
Когда поклоны низки,
Когда глубоки иски
Людей приводят к счастью?
На что потребен разум? —
Ненадобен, я чаю.
Сам делаю вопросы,
Я сам и отвечаю;
И думаю, что разум
На то одно потребен,
Чтоб им могли проникнуть,
Кто правил не имеет,
От тех нам удаляться
И, видя их безумство,
Как можно исправляться.
А паче нужен разум,
Чтоб людям от скотины
В сей жизни отменяться
И к Богу возвышаться.

Благополучие

Напрасно частыми пирами
Друзей мы чаем привлекать,
Напрасно жадными играми
Богатства мы хотим искать.
Не нас, но роскошь гости любят
И вместе исчезают с ней;
Прямую дружбу игры губят,
И правда не вместима с ней.
Напрасно к небу воссылаем
Без добрых дел свои мольбы;

Мы просим, вопим и желаем,
Но Бог не внемлет злых трубы.
Напрасно мы Фортуне служим
И следом бегаем за ней;
Не зря ее — о ней мы тужим,
Увидя — не дивимся ей.
Напрасно мы свои забавы
В больших чинах и в злате чтим:
Они не исправляют нравы,
Мы тем ума не просветим.
Напрасно нам искать успеха
Фортуны лестью приобрести;
Для гордых лесть одна утеха,
Отъемлюща льстецову честь.
За счастьем гонимся всечасно;
Но где искать его венца?
Увы!., желать его напрасно,
Когда испорчены сердца.

Разум

Когда мы разумом сверкаем,
Пороча слабые умы,
Вреднее зверя мы бываем,
И разум сей скучнее тьмы.
На то премудрости лучами
Тебя Создатель озарил,
Чтоб ты других перед очами
Сиянье истины явил;
Чтобы любезну добродетель
Во всей вселенной вострубил
И, став страстей своих владетель,
Пороки гнал, а честь любил.
Сократ земным прославлен кругом;
За что Сократа славит свет?
За то, что правды был он другом
И мудрый всем давал совет.
Премудростью своей гордиться —
То цену мудрости терять;
На что умней других родиться,
Когда другого презирать?
Мы зрели разумы высоки.
Людей ученых зрели мы,
В такие ж вверженных пороки,
В какие слабые умы.
Какой же разум прославляет
В пространном свете сам себя?
Который правду подкрепляет,
Как брата ближнего любя.
Кто, чести следуя закону,
Имеет ум на сей конец,

Тот носит мудрости корону,
Порфиру славы и венец.

Три начальныя главы из Премудростей Соломоновых

Глава I

Любите истину, любите,
О вы, земные судии!
Коль Господа взыскать хотите,
Смиряйте вы сердца свои.

Кто Бога искушати чаает,
Или не верит кто Ему,
Себя от света отлучает,
Безумства падая во тму.

Не внидет мудрость в душу злую,
Ни в грешном теле не живет:
Строптиву мужу, льстиву, бую,
Не вразумится Божий свет.

Святыня убегает лести,
Уходит помышлений злых:
Кто правде враг и недруг чести,
Не озаряет таковых.

Всем сердцем любит человека
Премудрости Господний Дух,
И к смертным от начала века
Склоняет взор, лице и слух.

Он всю вселенную объемлет,
Свидетель наших мыслей есть:
Слова из уст летящи внемлет
И тайну сокровенну весть.

Неправду в сердце кто помыслит,
И злое слово изречет:
Господь глаголы те изчислит
И беззакония сочтет.

Языкам воли не давайте,
Не преклоняйтесь к клеветам;
Неправдой душ не убивайте:
Господь Судьею будет нам.

Погибель телу навлекает
Развратный духом человек;
И к горькой смерти приступает,
Пороком оскверняя век.

Не создал смерти Бог во свете,
Ниже погибели живым;
Спасенье положил в завете
И муки не назначил им.

Неправда в мире умирает,
А правда царствуя живет;
Но грешник вечность презирает,
И дерзко смерть к себе зовет.

Своим пороком ослепленны,
Заветы положили с ней;
Сдружились – и стали тленны,
Достойны страшной доли сей.

Глава II

Рекли, которы мыслят ложно,
Что краток наш и скорбен век;
Что смерти избежать не можно;
Что весь исчезнет человек;

Что мы случайно в свет рожденны,
Умрем, и вечный будет сон.
Рекут: «Мы паром оживленны,
И в воздухе исчезнет он.

Угаснет искра, тело будет
Единый пепел, хладный прах;
И мир со временем забудет
О нашей жизни и делах.

Как вихрем облако несется,
Так быстро смертных дни текут;
Следов по ним не остается,
Как мгла при солнце пропадут.

Подобно тени преходящей,
Подобно наше житие;
И шаг, ко смерти приводящий,
Кончает наше бытие.

И тако щастьем усладимся,
Доколе дней весна цветет;
Вину и брашнам предадимся,
И лучших не потратим лет.

Цветы доколе не увянут,
Сплетем себе из них венец;
Да в сладость наши дни нам станут,
На сей имеем их конец.

Безсильных, праведных погоним,
И добродетель утесним;
К старейшим слуха не преклоним,
Печальных вдов не пощадим.

Едину силу нашей честью
И волю сотворим в закон;
Уловим правду сладкой лестью,
Пренебрежем несчастных стон.

К чему нам праведник полезен?
Злословит наши он дела;
И грех, который нам любезен,
Сей грех — в его устах хула.

Тщетою веселость нашу числит,
Не может роскоши любить;
Иметь он дух небесный мыслит
И отроком Господним быть.

Смиренно жизнь свою проводит
В улику наших чувств и слов;
Особыми стезями ходит,
И нас считает за врагов.

Не хочет жизнью насладиться,
От нашего бежит пути;
Бежит, и к Богу он стремится,
Ласкаясь в Нем Отца найти.

Увидим, верно ли их слово!
Коль подлинно Сын Божий Он,
Ему прибежище готово:
Ему постыден плач и стон.

Досадой, мукой и враждою
Мы станем искушать его;
Умножим скорбь, беду бедою,
И смерть воздвигнем на него».

Помыслив тако, ослепились,
Их злоба обуяла их;
От них Господни тайны скрылись,
И благ небесных нет для них.

Не создан к вечному изтленью,
Но в образ Божий человек.
Готовьтесь те ко изтребленью,
Которых есть развратен век.

Глава III

Но души праведных ликуют,
Всемирный Царь! в руке Твоей.
Пускай безумные толкуют
Тщетою их кончину дней.

Они суть в небе, и навеки,
Хотя страдали на земли;
Хотя их гнали человеки,
В селенья райския вошли.

За слезы и беды не многи
Насытились душевных благ;
В небесны Бог призвав чертоги,
Вмещает их в Своих лучах.

Их души были искушенны,
Как злато чистится в огне;
И будто жертвы сокрушенны,
Ко горней вознеслись стране.

Приидет время – возсияют,
И яко искры потекут;
Злодеи славу их познают,
Языки их услышат суд.

Бог вечно с ними воцарится!
И тот, кто чтил в сей жизни их,
Лучами правды озарится:
Создатель щедр в Его святых.

Отвержен будет нечестивый,
И меж святыми не вмещен;
Гонитель кротких, горделивый,
От Бога будет отвращен.

Премудрость кто уничижает
И наказания не ждет,
Безплодно все, что начинает:
Ни в чем ему успеха нет.

Безумством жены пораженны,
И чада суть лукавы их;
Пороки грешных обнаженны,
И проклято рожденье их.

Блажен, кто не был сладострастен,
Хотя плода и не принес;
Он будет жребия причастен
Щастливых жителей небес.

Кто подвиг к святости имеет,
Того благословится труд;
Как древо он цветет и зреет,
Плоды его не отпадут.

Но чада грешные не станут,
Как лозы масличны, цвести;
Взойдут на время — и увянут,
Не может семя злых расти.

А естли в свете жизнь продлится,
Как облак дни их потекут;
И старость их не умастится,
Седин порочных не почтут.

Коль в юности прервутся годы,
Им нет отрады в день суда:
От нечестивыя породы
Бывает гнусный плод всегда.

Мир Ода

Отверзлась мне завеса мира!
В восторге дух, трепещет лира...
Молчу, дивлюся и пою.
О! коль видения любезны!
Звездами полны вижу бездны,
Средь тысящи миров стою.
На небо обращаю взгляды:
Висят горящия лампы,
Струями разливают свет —
Се град, где Царь царей живет!

Как риза небо протяженно,
Звездами зрится испещренно;
Там солнцы светят и горят;
Не подкрепленные столпами,
В пучине воздуха с водами
Огромные миры висят. —
Но Кто движенье дал планетам?
Каким последуя советам,
Парят без крыл, текут без ног?
Кто водит солнце? — Перстом Бог.

Прекрасна и дивна Вселенна!
Возникни Муза изумленна!
Во свете вижу скрытый свет;
Един из тел совокупленный,
Другий безплотный и нетленный,

И в мире мир другой живет.
В восторге низхожу на землю:
Древа, луга, поля объемлю.
К источникам склоняю слух:
В них чувствую — и жизнь и дух.

Натуру вижу на престоле,
Леса, моря, стремнины, поле;
Ей служит хлад и служит зной;
Подобно полу мозаичну,
Одежду вижу я различну
На всей поверхности земной.
Высоки кедры на Ливане,
Иссоп и волны в океане:
Все вещи есть кора одна,
В которой жизнь заключена.

Но чем пространная Вселенна
Жива, красна, одушевлена,
То ввек не может умереть.
Высоких гор хребты сотрутся,
Столпы порфирны разпадутся,
Престанет океан кипеть;
А что былинку оживляло,
Леса и волны составляло,
Сия всеобщая душа
Жить будет, узы разреша.

Какая дивности встречаю!
Я Бога зреть во славе чаю!
Явился мне бессмертный Дух!
В огне Он светит и сияет,
В воде животных напаяет,
В громах разит сердца и слух;
Величествен в телах небесных,
Премудр вещей в пределах тесных,
В песчинке Он непостижим;
Весь мир и жив и славен Им.

Парящего от перва века,
Низпадша вижу человека;
В его вникаю существо:
О коль творение драгое!
В нем скрыто бытие другое...
И там сияет Божество!
Мне вся представилась Вселенна,
В его чертах совокупленна;
И что натуре жизнь дает,
То в нем и мыслит и живет.

Но вся великолепность мира,
Как в поле веянье зефира,

Как дым исчезнет наконец!
Погаснет солнце, твердь затмится,
И токмо Дух изобразится,
Где мыслью преходил Творец.
Но кто пороки ненавидит,
Тот небо новое увидит;
В духовну облеченный плоть,
Вселится там, где есть Господь.

В лучи Божественного света
Вселенна будет вся одета,
И не погаснет свет вовек.
Престол и посох позабудет,
И в лике серафимов будет
Сиять безгрешный человек.
О Правящий моей судьбою!
Моя душа полна Тобою: Творец,
Создатель мой и Бог!
Созижди вечный мне чертог.

Утешение грешных

Сей грешники приемлет.
Евангелие от Луки 15:1-7

I

Иисус Друг грешников

Спаситель грешнаго приемлет!
Та истина гремит вовек.
Что слух в законе Ветхом внемлет;
Что Бог в его уставах рек,
Адаму было что внушенно,
Мойсеом что изображенно,
Что глас Пророческий вещал,
Апостол перстом указал,
Все учит нас и вразумляет,
Спаситель грешных принимает.

Уста Сыновния вещали,
Словам Его внимал Отец,
И праведны глаголы стали!
Дух Божий живо наконец
В апостольских посланьях дышет,
Рукой Петра и Павла пишет,
Во Иоанне Он речет,
И весь благочестивый свет
Священные глаголы внемлет:
Спаситель грешников приемлет!

Сей глас из века в век твердился,
Внушенный в древности Творцем,
Лишь только первый появился
Нещастный грешник в мире сем.
Спроси, спроси о нем Адама,
У Ноя иль у Авраама,
Спроси у наших праотцов,
Спроси у истинных сынов;
Повсюду слух преданье внемлет:
Спаситель грешников приемлет!

Приемлет грешных и прощает,
Сомненья кающимся нет;
То небо день и ночь вещает
И Господу хвалы поет.
Лишь только грешник умилился,
Небесна твердь возвеселится.
В той истине и тартар сам,
Затрепетав, не спорит нам;
И тамо ангел падший внемлет:
Спаситель грешников приемлет!

Сие вещают звездны круги,
Моря и горы вопиют,
Господние враги и други
Единогласно признают.
Но кто ж сей истине не верит?
Который с Богом лицемерит,
Не может ближняго терпеть,
В грехе намерен умереть.
Но пусть он в сени смертной дремлет,
Спаситель грешников приемлет!

Хоть мир бы целый усомнился
И правды сей не признавал,
Спаситель бы не пременился,
К Себе б как пастырь грешных звал.
То слово веки утвержденно,
К кресту Господню пригвожденно;
Печатью вечной нам дано
И кровью писано оно.
Из уст Мессии каждый внемлет:
Спаситель грешников приемлет!

II

Иисус всех грешников приемлет

Приемлет грешных Он, конечно,
Каких грешнее в мире нет,
Погибшими которых вечно
По их порокам числит свет;

Они в развраты погружены,
Деяний добрых отчужденны,
Законов Божьих не любя,
Спасенье гонят от себя;
О сих, о сих вселенна внемлет:
Спаситель грешного приемлет!

Святое таинство крещенья
Дерзают кои отметать;
В пучине зол и развращенья
Привыкли с детства утопать;
Которых совесть потушенна,
И благодати став лишенна,
Душа пороками полна,
Питает древний грех она;
Сия живое слово внемлет:
Приди, тебя Господь приемлет!

Которые ученьем ложным
Ко аду были ведены,
Или писанием безбожным
Разсудки чьи ослеплены;
Которы быть безгрешны чают,
Себя пред светом величают,
Но имя Божие стыдят
И правду угасить хотят,
О сих вселенная да внемлет:
Придите, Бог и вас приемлет!

Которых гнусные пороки
В погибель адску вовлекли;
Которых чувства их жестоки
Являют ужасом земли,
И тем сулит спасенье Слово.
Чье сердце дерзко и сурово
И жизнь которых проклята,
Надежда в Бога отнята,
И сей среди разврата внемлет:
Приди, тебя Господь приемлет!

В их жизни, с смертью сопряженной,
Которы без стыда грешат,
И чают, что стезей блаженной,
Творя пороки, в рай спешат;
Грехам находят оправданье;
Забыли Бога почитанье,
Смеются Сыну в нищете —
За всех Он умер на кресте,
И пролил кровь Свою Спаситель:
Покайтесь! Он за вас проситель.

О вы, предатели, злодеи!
И вы, таящие свой грех,
Обманщики, прелюбодеи!
Спаситель вас приемлет всех.
Которы душу осквернили,
Сердца от Бога уклонили;
Которых мерзостны дела;
Да будет Господу хвала!
С весельем наше сердце внемлет:
Спаситель и таких приемлет.

Дверей которы не отверзли,
Когда стучался в них Господь;
Сердца которых так замерзли,
Что им не Бог, угодна плоть;
Господь которых велегласно
Зовет к Себе, зовет напрасно,
Они не внемлют ничего,
Не чувствуют словес Его;
Да слух таких несчастных внемлет:
Придите, вас Господь приемлет!

Желает Бог, да всяк спасется,
И тот, кто, совесть погубя,
Врагу Господню предается,
Проклятию предав себя;
Кто, душу погубив и тело,
Вмешался в сатанинско дело,
Волшебством душу осквернил,
Союз с геэнной утвердил,
И сей, ко славе Божьей, внемлет:
Спаситель грешников приемлет!

Которые, пожив развратно,
К щедротам Божьим притекут,
И в тину их грехов обратно,
Забыв раскаянье, впадут;
Сии грешнее паче стали,
Вкусили благодать и пали,
Сердца свои вруча в заклад,
Берут от Господа назад;
Но слух и сих несчастных внемлет:
Придите, Бог и вас приемлет!

Чьи дни Господь когда изчислит,
А грешник при конце своем
О покаянии помыслит,
Уже печется Бог о нем;
К нему Свои прострет Он руки.
Душевные предваряя муки,
До утрия не отлагай,
Всечасно к Богу прибегай:

Христовой причащенных Кровью
Приемлет грешных Бог с любовью.

Позорной смертью жизнь скончавших,
Мечем и казнью всех родов,
Но при конце Христа призвавших
Приемлет Бог в число сынов.
Разбойник, на кресте висящий,
Спасенья вечнаго хотящий,
На казнь достойно осужден,
Но кротким Агнцем он спасен.
Да песнь сию вселенна внемлет:
Господь разбойников приемлет!

III

Отчаянные

Спаситель грешников приемлет,
Хотя не верят их сердца,
Хоть совесть их молчит и дремлет,
Хотя не ведают Творца,
Иное плоть и мир вещает,
Но истины не возмущает;
Пусть слово адское страшит,
Но райское сердца живит.
Душевно каждый признается:
Коль хочет грешник, то спасется.

В ком совесть гаснет и слабеет,
Запутан кто в грехах своих;
Восстать кто силы не имеет,
Поддерживает Бог таких.
Где вся надежда изребится,
Геэнна пред очами зрится;
Безсилен где людской совет,
Но духом к Господу взовет,
Тот будет ада победитель:
Избавит грешника Спаситель!

Которы Богом осужденны,
Сим Богом, праведным Судьей,
За грех которы отчужденны,
Которых судит Моисей;
Которых совесть обличает,
Отчаянье ожесточает;
Которые, скользя во ад,
Как Лазарь, в темном гробе спят,
И сих, конечно, сердце внемлет:
Спаситель всех к Себе приемлет!

И тех, которы не известны,
Которым шествовать путем;
Понятия чьи слабы, тесны,
И сомневаются о всем,
Отчаянны и возмущенны,
Спокойства внутренно лишены,
С собою в прении живут,
Стезями темными идут,
Которым навек их мучитель:
Ко свету сих ведет Спаситель!

Которые отринувенны
От всех живущих на земли,
Гонимы, презрены, забвенны,
И пресмыкаются в пыли;
Которых имя их безславит,
Спаситель и таких возставит.
От коих верные бегут,
Погибшими их вечно чтут,
И сим остался утешитель:
Приемлет таковых Спаситель!

Но скажет кто-нибудь, рыдая:
Мой суд уже совсем свершен!
Достиг я беззаконий края,
Спастись надежды всей лишен;
Господь которых не прощает,
Мой дух грехи те ощущает;
В пороках жизнь текла моя,
Погиб и вовсе проклят я!
Я сам и враг свой и губитель,
Приимет ли меня Спаситель?

Тебя, тебя Господь приемлет,
Тебе десницу подает;
Он грешнаго молению внимлет,
Лишь слово грешник изречет,
Христова благодать явится.
Кто к Сыну сердцем обратится,
Того Он другом наречет,
И всем во сретенье течет.
Несть грех щедроты победитель;
Приемлет всякаго Спаситель!

IV

О истине сего слова

Что грешник истинно спасется,
Да каждый радуется тем!
Сладчайша песнь да раздается
Народам в слышание всем!

Для всех отверзта дверь спасенья,
И нет народам изключенья:
Язычник, жид, безбожник будь,
Для всех отверзт спасенья путь.
Весь мир торжественно да внимлет:
Спаситель каждаго приемлет!

На всякий час, и в каждо время
Кто к Господу ни притечет,
Страстей своих свергает бремя;
Спаситель каждаго зовет —
И нет различия нимало,
Спасенье обще смертным стало.
Хотя все люди грешны суть,
К спасенью могут достигнуть;
Да всяк святое слово внимлет:
Спаситель каждаго приемлет!

Когда бы миром оглушенным
Потребно было то внушить: —
Иисусе! словом Ты священным
Глухих старался б научить.
Иные слышат, и не внимлют,
Святаго слова не приемлют,
Не видят света очи их:
Подействуй, Боже, в таковых,
Да очи видят, ухо внимлет:
Спаситель грешников приемлет!

Да будет песнь святая пета,
Да слышит каждый человек;
В пределах раздается света,
И не умолкнет в веки век.
Я песней сладостней не знаю,
И чувствовать предначинаю,
Что щастлив будет целый свет,
Когда душевно запоеет,
Когда земля и небо внимлет:
Спаситель грешников приемлет!

V

Порядок принятия грешников

Спаситель грешников приемлет,
То все земные могут петь.
Но естли кто сему не внимлет,
Того не хочет Бог иметь,
Тому отчаяно леченье.
Возпользует ли нам ученье;
Возпользует ли благодать,
Коль станем Бога отметить?

Когда грехов я победитель,
Тогда со мною мой Спаситель!

Венцем спасенья увенчаться
Удобен в здешней жизни всяк;
Но те, которые не трудятся
Познать Христа, разсеять мрак:
Сии погибнут неотложно,
Затем что их спасти не можно.
Когда к спасенью принуждать,
Плода какого ожидать?
Пусть грешник в преступленьях дремлет;
Спаситель ищущих приемлет.

В грехе которые признаются,
Тем ангели венцы плетут.
Но кои в мыслях не мятутся,
Что есть по смерти грешным суд;
Кто в Боге нужды не имеет,
Во благодати не успеет;
Не мыслят кои о Христе,
Спасенными не будут те.
Но грешных с Богом примиритель,
Приемлет каждого Спаситель.

Которы муку ощущают,
Страданье, скорби во грехах;
Которы слезы проливают;
Чей дух обуздывает страх;
Которы дел своих стыдятся,
Не смеют к Богу приближаться,
Рыдая, вдалеке стоят,
Себя отчаянными мнят;
Которым совесть обличитель,
Приемлет сих, как друг, Спаситель.

Которых чувства откровенны
И явны Господу сердца;
Скрижали чьей души явленны
Всевидящим очам Творца;
По воле кто свой грех признает,
Того Спаситель извиняет,
И громко призывает глас.
Отнимет Бог грехи от нас,
В которых явно признаемся:
Как червь уничижась, спасемся.

Но тот, кто грешным признается,
А грех его не тяготит,
Наружно в святость предается,
И тайно с грешными грешит;
Себя кто праведником числит

И с Богом примириться мыслит,
Когда смирился видом он,
Но роскошей впадает в сон:
Молитвы сих Господь не внемлет;
Он грешных только лишь приемлет.

К таким Спаситель прибегает,
Которым в жизни их ничто
К спасению не помогает,
Не может утешать никто;
Грехов искусный изцелитель,
К бессильным входит утешитель.
Такому будет пастухом,
Кому надежды нет ни в ком;
Тому поможет и возставит,
От скорби изцелит, прославит.

Отчаянным Господь отрада.
Живите духа в нищете,
Погибшие Адамли чада,
Распнитесь с Сыном на кресте.
Но кто доволен сам собою,
Утешен миром и судьбою,
И кто в душе не признает,
Что он в нечестии живет:
Того Спаситель наш не знает;
Он грешных, грешных принимает.

Всяк должен в духе очищаться,
Коль не очищен человек;
Но если станет он стараться,
Избавится греха вовек;
Хоть сердце в нем и развращенно,
Но согрешеньем огорченно,
Пусть к Богу только он вззовет,
Конечно, Бог его спасет;
Он гласу страждущего внемлет,
Мягчит сердца и всех приемлет.

Чей дух греховну сласть не взлюбит,
Но любит чья прохлады плоть;
Кто верит, грех что душу губит,
Приемлет таковых Господь.
Но кто свой грех еще питает,
Усыновление отметаает,
Не думает врача искать:
Того не может Бог принять.
Мольбе Он хладных душ не внемлет:
Он явных грешников приемлет.

Священное души спасенье
Которы приобрести хотят,

С грехом выходят на сражение.
Но в тайне мир с грехом творят;
Увы!., коварство отложите;
Мы Богу каемся, скажите,
Откройте сердце перед Ним,
Да правит весь Спаситель им;
Молитве Он душевной внимлет
И страждущи сердца приемлет.

Пред Ним кто в скорби на колени,
Лия потоки слез, падет;
Бежа пороков смертной тени,
О помощи возопиет;
Ужален кто грехов страданьем,
Единым молит воздыханьем,
Уста от скорби хоть молчат,
Но чувства внутренни гласят:
Господь немую просьбу внимлет,
И плачущаго Он приемлет.

Кто изкупителя инова
Не ищет и не хочет знать;
Кому есть пища Кровь Христова;
Кто любит раны лобызать;
Исполнен кто к Христу любви,
Всечасно жаждет Агнчей Крови,
И пот, за нас который лит,
Дороже всех вещей ценит:
Таких Господь в сыны приемлет,
Ты Мой! ты Мой! — он голос внимлет.

К Нему прибегнет кто смиренно,
Колики радости тому!
Он принят сыном непременно,
И дверь отверзится ему,
Источник изпиет спасенья; —
Но кто придет во тме сумненья,
Тому пришествие вредит,
И превратится в грех и в стыд.
Да всяк убогий в духе внимлет:
О грешник! нищих Бог приемлет.

Которые чистосердечно
К Нему с слезами притекут,
Тех принял Он уже, конечно,
Его венцы на небе ждут;
Но мало веры в том имеют,
Господних слов не разумеют,
Далеким чтут, что близко к нам,
Покая не дают сердцам.
Блаженны мы, коль дух наш внимлет:
Мы все Его! нас Бог приемлет.

VI

Что есть принятие?

Спаستися твердо кто решится,
Спасется тот в единый час;
По произволу то случится,
И есть насущный хлеб для нас.
То дело Божье и хотенье,
Призвати смертных во спасенье,
Щедроту грешным показать,
Как чад Своих облобызать.
Господь несчастных Утешитель,
И верный грешников Спаситель.

Господь о грешных сожалеет,
И хочет вечно оправдать;
Злопамятности не имеет,
Не хочет злом за зло воздать.
Увы! Он Кровию безценной
Богатство пролил всей вселенной
Для изкупленья от грехов;
Долги приял Своих сынов.
Будь раб, будь нижший, будь властитель
Изкупит каждого Спаситель.

В щедротах Бог наш изобилен!
Когда ты слаб в грехе своем:
К Нему прибегни, Бог твой силен;
Ищи спасенья, грешник, в Нем!
В слезах ко Господу прибегни,
Пред Ним как червь себя повергни.
Сколь немощен ты ни придешь,
Помощника ты в Нем найдешь;
Он всякаго моленью внемлет,
Прощает, любит и приемлет.

Когда дороги грешник к Богу
Обрести не может сам собой,
Покажет Он ему дорогу,
И проведет Своей рукой;
Он душу дремлющу разбудит,
Искать спасения понудит.
Господь во слове верен есть,
Ко благу хочет всех привести;
Он верный грешных Утешитель,
Приемлет всех, как друг, Спаситель.

Не требует от человеков
За щедрость платы никакой;
Как начал, так во веки веков
Обильной благи льет рекой.

Не за серебро и тучны жертвы,
Пред Ним которы тленны, мертвы.
Заслуг, посулов, ни даров,
Не хочет от Своих сынов:
Дает все даром Утешитель,
Приемлет всех, как друг, Спаситель.

Как врач искусный, нас болящих
Целит Превечная Любовь;
Целит грехи во гроб сходящих:
Его для нас лекарство Кровь;
Она от смерти нас спасает,
Душевы силы укрепляет,
И нову жизнь она дает.
Блажен, кто Кровь сию пиет
И Слову истинному внемлет:
Спаситель каждого приемлет!

Как чад, Он к Богу нас приводит;
Но грешник без вождей Его
Во преизподнюю низходит. —
Взложив надежду на Него,
Сердца имеем очищенны.
К Отцу приходим освященны;
Кто Агнцем есть усыновлен,
Тот с Богом есть совокуплен;
Кто Слову, жизнь дающу, внемлет,
Того с весельем Бог приемлет.

Кто сыном Агнца учинится,
Тот Вышнему усыновлен,
Наследником небес явится:
Он смерть попра, и оживлен.
Господь такого освящает,
Простря объятия вещает:
Ты в ранах приобрел Моих
Прощение грехов твоих!
Я твой со Богом Примиритель;
Воспой: меня приял Спаситель!

Для тех на небесах короны,
Кого Спаситель воскресил;
Он все к спасенью нам препоны
С Собой во гробе заключил;
За них лилася кровь безценна,
И грешных доля изкупленна;
Они имение Его,
Сыны и други для Него,
Невеста, коей Бог любитель;
Он грешных жизнь, душа, Спаситель.

Когда разкаясь человеки
Под крест спасенья притекут,
Начнутся золотые веки,
Небесны лики воспоют.
Спасителю усыновленны,
Не будут смертью уязвленны,
Ни ада, ни печали знать,
Но в Боге с Агнцем обитать.
Да вся земля сей песни внимлет:
Бог в недра грешников приемлет!

Хоть в тине погружен греховной,
Приемлет всласть пороков яд,
Не любит чистоты духовной
И в сердце помещает ад;
Но лишь покается пред Богом,
Соделает тебя чертогом,
И в духе Он твоим живет;
Изгонит тму, покажет свет,
Вселится в душу Утешитель,
И ты взовешь: со мной Спаситель!

Он дружбы грешника искатель,
За ним Он шествует во след;
Защитник слабых, оправдатель;
Покайтесь, други! – вопиет.
Его рачение велико;
Но как смирился Бог толико?
В Его устах суровства нет,
Как братьев грешников зовет;
Он друг, наставник их, учитель;
Приемлет всех людей Спаситель!

О! сколь беседовать приятно
Со Утешителем таким! Умножит веру
Он стократно, Хоть веру слабую храним;
Повсюду с нами Он всечасно,
Готов беседовать согласно,
Всю душу лъзя Ему открыть,
О тайнах сердца говорить,
И мы уверены сердечно,
Что Он примет нас, конечно.

Издревле принимал, и ныне
Приемлет грешных завсегда;
Кто сомневается о Сыне,
Не есть спокоен никогда:
Но кто Ходатая узнает,
К Его покрову прибегает,
Пристанище находят в Нем,
Беседует Он кротко с тем.

Он друг ему и Утешитель,
И купно грешных всех Спаситель.

Пасет Он кающихся верно,
Как пастырь, стадо их блюдет;
Приемлет всех нелицемерно,
К Его кто пастве притечет;
Он Пастырь, Человек и Слово,
Которое всегда готово
Из ада грешника изъять;
Сынов хранит, как чадо мать.
Хвалу Творцу я возсылаю,
Что так о Боге размышляю!

При самой человек кончине
Когда покается, вздохнет,
Жизнь вечную обрящет в Сыне,
Наследство в Нем свое найдет.
Но тот прийти к Нему не смеет,
Его кто Крови не имеет;
К спасенью нет иных даров,
Как крестна смерть и гроб Христов.
Кто в них спокойствие находит,
Того на небо Бог возводит.

Пусть взор от света отвращают
Самолюбивы мудрецы;
Не верим Слову мы! – вещают;
Прямых путей не зрят слепцы.
Напрасно чают фарисеи,
Составя умственны затеи,
Иной давать Писанью вид.
Им толк их обратится в стыд;
Ни сердце их, ни слух не внемлет,
Что грешных Божий Сын приемлет.

VII

Умножает приемлемых

На то Господь терпел страданье,
Да грешных, как детей, спасет,
Он пристань всем и упованье,
Пучиной кто страстей плывет;
О них Его душа тоскует,
Их кличет, небо им дарует;
Он кормщик и правило их;
Путь прям к Нему, и берег тих;
Он Друг нам, Брат и Попечитель,
Бог наш, Ходатай и Спаситель.

Зовет Он грешных тихим гласом,
Сретается повсюду, ждет;
И ранним и вечерним часом,
Ко Мне идите! – вопиет:
Здесь райские сады вы зрите,
Ко Мне в объятия теките,
Внимайте дружеский Мой глас;
Отверзил сердце Я для вас;
Спасенье грешников – Мне сладость,
Мой путь – утеха, слово – радость.

О грешники! Он вечно с вами,
Хотя не видите Его;
Хоть хладны вы к Нему сердцами,
Не гаснет дружество Его;
Советует, скорбит и стонет,
Доколе грешну душу тронет,
Доколе сердце умягчит,
Доколь греха не изребит:
За вами Он по тернам ходит,
И вас к спасению приводит.

Спаситель страждет Сам душою,
Коль грешника не просветит;
Он горьки слезы льет рекою
И снова на кресте висит;
Смерть грешных Кровь Его поносит,
За них страдая, Бога просит;
Подобну муку терпит Сам,
Когда ко адовым вратам
Идущих видит Утешитель,
Друг грешных, верный друг, Спаситель.

VIII

Да не будет любовь Иисусова тщетна для нас

Внемлите, грешники, внемлите!
Да сей не будет глас вотще;
Спасайтесь, кои не хотите;
Вы можете спастись еще.
Грехами души омраченны
И сном жестоким отягченны!
Ничто не пробуждает вас,
Ни страшный ад, ни Божий глас.
Проснитесь! да слух ваш внемлет:
Спаситель грешников приемлет.

Сей день сему внимайте гласу;
На что до утра отлагать?

Не знаем будущего часу,
Для нас он может не настать.
Всевышний скорый суд свершает;
Когда свершит, не пременяет;
Во бурях грешным Он грозит,
Не кающихся Он разит.
Да каждый грешник внятно внемлет:
Спеши! доколе Бог приемлет.

К Тебе взываем, о Спаситель!
Доколе слух у нас отверст:
Да не сомкнет его губитель,
Да Твой коснется грешных перст,
И грех да смерти убоится! —
Спешите к свету обратиться,
Познайте Божию Любовь;
Свою за вас Он пролил кровь;
Теките к Пастырю, теките,
Когда избежать тмы хотите.

Кто веру в Господа имеет
И Слово Божие хранит, —
Тот знает, видит, понимает,
Что Бог с небес на грешных зрит;
Но кто пороков не трепещет,
Щедроты Божий отмещет,
И любит сладости одни,
В пороках расточает дни, —
Не есть Христов ни раб, ни воин;
Тот быть на небе не достоин!

Заключение

Ваши очи обратите
На распятого Христа,
И венец терновый зрите,
Тягость почувствуйте креста.
В ранах, орошенный кровью,
Он вещает к нам с любовью:
Я за грешников терплю!
Но терплю, и не скучаю,
Смерть и язвы получаю
За того, кого люблю.

Кто Меня, о други! любит,
Раны тот Мои целит;
Тот болезнь Мою сугубит,
Кто на крест спокойно зрит,
Царства кто со Мной не просит,
Чашу желчи Мне подносит,
Прободает копием.
Вздых един, слеза едина,

На кресте утешить Сына, —
Рай приобретает в Нем.

Изцелителя целите,
Люди! верою своей;
Плачем жажду утолите,
Страждет, страждет Агнец Сей;
Раны током слез омойте,
Плачьте вы, и плача пойте:
Распят, Боже! Ты за нас,
На кресте и мы распнемся,
Да Твоими наречемся
Воскресенья в страшный час!

Плоды наук

(Дидактическая поэма)

Песнь первая

О муза! ежели тебе мой внятен глас,
Приди ко мне, и путь яви мне на Парнас;
Дерзаю воспевать Минервину науку,
И труд мой посвятить ПЕТРОВОЙ ДЩЕРИ ВНУКУ.
Прости, о КНЯЗЬ младый! что Муза воспоеет
Ужасны времена и дикость древних лет,
Когда в невежестве тонули человеки,
Непросвещенные когда звались веки;
Мне нечто надлежит о тех веках сказать,
Да плод могу наук яснее доказать.
Когда взглянуть хочу во древность я глубоко,
Какие ужасы встречаются там оку!
Какой плачевный вопль ко мне приходит в слух!
Какою жалостью смущается мой дух!
Не человеки там живут, лютейши звери;
О естли б к древности замкнулись вечно двери!
Дабы ужасных я позорищ не имел,
Одни бы пред Тобой наук успехи пел:
Но сколько бы себя ни сокрывала древность,
Открыть ее Тебе моя стремится ревность;
Стремится к повести усерднейший мой стих,
Нещастье древних лет гласить, и мраки их.
Там люди Небесам казались не угодны,
Во дикости своей своим жилищам сходны:
Ни дружбы, ни любви не зная на земли,
Как твари гнусныя вращаются в пыли;
И взоры отвратил от сонмищ их Содетель;
Неведома была в то время добродетель.
И воздымались вдруг от крови алтари,
Разбойники землей владели, не Цари;
Вздремала истина, пороки ликовали;

Что люди суть они, то люди забывали;
Не обращались на небо очеса,
Жилище было их меж тиграми леса;
Семейства хищныя друг друга с поля гнали,
Ни чести, ни родства приятностей не знали;
О Боге не было и слабыя мечты,
Все жили на земли и мерли как скоты.
Во загрубелостях еще мы зрим толиких,
Еще до ныне зрим народов мрачных, диких;
О благе общества не думают рачить;
Едва ли от зверей их можно отличить;
Вещают, что они в их тме благополучны,
Конечно, как волы и овцы в поле тучны.
Но что науки суть? Разсудков наших свет.
Там тма безденная, наук где света нет;
Как былие в полях, так вянут человеки,
И гибли как трава в непросвещенны веки;
Без пользы в мире жить, без пользы исчезать,
Возможно ль жизньию такую жизнь назвать?
Мы тленны плотию, душами мы нетленны,
Всевышним на земли на время поселенны,
Который даровал нам души и умы,
О мудрости Его да судим внятно мы;
Такой ли человек о Нем судить удобен,
Кто дикому скоту во существе подобен?
Ах! нет, повержен он невежества во мглу,
Позор Создателю, всегда преклонен к злу.
Науки лучшая для сметных есть награда;
Без них вступили в бой земныя с Небом чада,
Возстал против Богов Гигантов дерзкий род;
Разрушить он хотел хрустальный горний свод;
Не постигая сил Создателя Вселенной,
Сей род невежеством бунтует ослепленной.
Смиряет гордость их Всемощная рука,
Молниеносныя кидая облака.
Во Энцеладе Зевс карая злость несчетну,
Обрушил на него горящу гору Этну....
Но что мне баснями усердный красить стих?
Или гигантов мы не ведаем своих?
Иль не были у нас отважности подобны,
Когда стрельцы в Москве возволновались злобны?
Мне мнится, и они пошли против Небес:
Я в них Гигантов зрю, а Петр их был Зевес.
О прадеде Твоем, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ! вещаю;
Мой стих от Божества к другому обращаю.
Зевес против себя возставшу видел тварь:
Здесь подданных своих зрит в яром бунте Царь.
Невежеством своим Гиганты ополченны,
Стрельцы невежеством подобным омрачены.
Гигантам бунт Зевес громами отомстил,
Петр два смятенья зрел, и дважды злых простил.
Такого варварства, что наш покой губило,

Всегда невежество причиной точной было!
Невежество святой нарушило закон;
Оно стремилось попать Зевесов трон;
Невежество умы издревле помрачало,
Невежество всех бедств источник и начало;
Гонима правда им в развратном мире сем;
Оно есть мрачный дух, и нет блаженства в нем;
Оно всегда черно, всегда к вражде готово;
Сварливо, дерзостно, неистово, сурово;
Мнит истину творить невинного губя,
И естли любит что, так любит для себя;
К насильству, к грабежам его простерты руки,
В презренье у него художества, науки,
И суеверие и злость гнездится в нем,
Оно вооружено кинжалами, огнем;
От света кроясь, дружится с темнотою,
И возхищается разсудка слепотою.
Бог, видящий людей невежества в ночи,
В их разум изливал учения лучи.
О Музы, вышних сил любезное создание!
Вы первыя наук простерли в мир сиянье;
Вы первыя из тмы изъяли смертных род,
Был вами просвещен Орфей и Гезиод.
Невежества покров, непросвещенья узы,
Разторгли на земле божественныя Музы...
Блажен, кто с Музами в согласии живет,
Кто любит песни их, приемлет их совет,
Хоть в мире щастия земнаго не находит,
Он жизнь приятную в беседе их проводит.
Какую зрим от них премену на земли,
О том хочу воспеть. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ! внемли.

Песнь вторая

Когда на шар земной наук простерся свет,
Творец Вселенныя в начале был воспет;
Чтить люди Господа друг друга научали,
И в гимнах радостных Творца возвеличали;
Его курением и жертвами почли,
Сердцами к небесам взнеслися от земли;
Из тмы изникнули разсудки смертных рода,
Во всем величестве открылась им природа;
Чего еще понять их слабый ум не мог,
И то вещало им, что есть во свете Бог.
Но может быть Его твореньем изумленны,
Воздвигли в честь Ему кумирны лики тленны.
Есть сила некоторая влиянна нам в сердца,
Любить, изображать, петь нашего Творца;
Творца изображать такое было рвенье,
Доколь не подано святое Откровенье;
Тогда всевышнее, безсмертно Божество,
И наше бренное постигло существо.

Но жили в тишине сначала человеки,
И тишина сия златые были веки;
От Неба благодать умея принимать,
Их было щастие, добра не понимать;
Под игом суетных познаний не стенали,
Не ведая добра, и зла они не знали;
Как агнцы на полях между зверей паслись,
Потоки крови их во бранях не лились;
Жилище был им лес, трапеза поле тучно,
Их век не громок был, но тек благополучно.
И точно ль огонь с небес похитив Прометей,
Натуры просветил невинных сих детей?
Иль воля гордая их ум преобразила?
В невежество она род смертных погрузила,
Разрушив агничью в их сердце простоту,
Вложила в мысли их раздоры, суету;
Разторглись узы их, возпрянули пороки,
Их души мягкия соделались жестоки;
Разсеялись они по дебрям и лесам -
Но было их собрать угодно Небесамъ.
Меж веселящихся незапною пременой,
Седяща Мужа зрю у рощицы зеленой;
Он сладким пением сердца к себе влечет,
И смертных род к нему с веселием течет,
И камни движутся, и реки становятся,
Да пением его и лирой наслаждаются;
Преходят с мест своих зелены древесна,
Преображаются в прохладные леса;
Свирепы агнцов львы на пастве не терзают,
Они пред ним лежат и ноги лобызают;
Народы за собой и камни водит он;
Суровыя сердца смягчает лирный звон.
Ах, есть ли более Певцу такой награды:
Сердца людей смягчить, составить песнью грады!
Так сладко Амфион при лире воспевал,
Когда он Иивы град составил, основал.
Но баснь, которая ту повесть украшает,
Доверенности нас в событии лишает,
И только можем то одно постигнуть мы,
Что стихотворные пленятельны умы:
Те древни времена, как люди в мраке жили,
Примером дикости звериной приложили,
И просвещенный Муж смягчая грубость их,
Чрез песни учинил разумну тварь из них;
Ко общежитию склоняя их стихами,
К трудам их поострил, и град обвел стенами;
Законы предписал, их буйство удержать;
Заставил чувствовать, трудиться, воображать;
Изтолковал добра и зла народам разность,
Пороки обуздал, отгнал позорну праздность....
Таков учения был самый первый плод,
Из тмы невежества как вышел смертных род!

В людей свирепые преобразились звери,
И к храму щастия для них отверзлись двери;
Ко ближнему любовь воскресла в их сердцах,
Явились нежности и в детях и в отцах,
И правосудие на троне появилось,
Блаженство общее народов утвердилось;
Различны воли все единой покоря,
Для блага общего поставили Царя;
Забвенная людьми донныне добродетель,
Украсилась в венцы, и стала душ владетель.
Приятность, дружба нам которую дает,
Теперь лишь смертных род, теперь лишь познает.
И ты, невинна страсть, что души сочетаешь,
Взаимной нежностью сердца людей спрягаешь,
Которой иногда дают развратный вид,
Любовь, которую преображают в стыд!
Ты в мрачны времена имела чувства зверски,
Суровыя слова, имела взоры дерзки;
Еще по днесь любовь угрюма тамо ты,
Где люди так живут, как грубые скоты.
Едина истина, едино просвещение,
Соделало в сердцах и в чувствах очищенье;
Разсеяв мрак страстей род смертных наконец,
Науки учинил вождем своих сердец.
Вообразя тот век, мы век тот почитаем,
Но повести сии во книгах лишь читаем,
Нам древность кажется закрыта и темна;
Представим в мысль свою новейши времена,
Не то, что в книгах нам История внушает;
Вообразим, как Петр Россию воскрешает!
По баснословию, что делал Амфион,
В глазах Европы всей не то ли делал он?
Не умягчил ли он Россиян нравы дики?
Не вдруг ли создал град и крепости велики?
Он баснословие трудами превзошел,
И выше смертнаго во славе возлетел;
Везде Петрова мысль, везде Петровы руки:
Посеянные им приносят плод науки.
Законы к нашему спокойствию цветут;
Где пользу только зрю, и Петр мне зрится тут.
Он воинство свое, полки и флот раждает,
Едва устроился, уже он побеждает;
Каков на суше Петр, таков в пучине вод;
Стал флотам всех держав его ужасен флот.
Преобразив народ, он свой народ прославил,
И души, и сердца, и внешность их исправил.
Не в тысячу веков, то было в краткий век;
Не тысячи, один то сделал человек.
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ! сие изчислить мне подробно,
Как Прадед Твой велик, вовеки не удобно.
Подобно как взглянув к пределам горних мест,
Чем больше смотрим мы, тем больше видим звезд:

Дела Петровы так, чем в мысль вмещаю боле,
Великих дел его обширней зрится поле.
Сей дар, небесный дар, разсудком что слывет,
Величит смертных род, и в душу вносит свет,
Находит человек ко благу чем дорогу,
И чем подобен есть хоть в мале смертный Богу;
Прямую славу мы находим в свете чем,
И что мы наконец умом души зовем;
Приятность жизни сей и щастие сугубит,
Творец сей дар дает тому, кого возлюбить.
Мерило разума коль станет Царь блюсти,
К блаженству подданных удобен привести;
Украсится Монарх небесными венцами,
Владея скипетром, владеет и сердцами.
А подданный, когда ум свыше дан ему,
Познает страх и долг к Монарху своему.
Но будет тщетное о качествах раченье,
Когда умов у нас не подкрепит ученье.
Хоть быть должна чужда людским разсудкам тма,
Ученье жезл дает и крылья для ума.
Искусством прелетел Петр к славе скоротечно;
Россию воскресил, и славен будет вечно.
К наукам нас ведет Твоя в Монархах кровь:
Имей, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ! имей Ты к ним любовь.
Что мы ни вобразим, науки основали,
Их петь перед Тобой мне Музы лиру дали.

Песнь третья

Из уст любезных Муз, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ! внемли,
Колико выгодны науки на земли;
Не светом их в стихах разсудки просвещаю,
Но свет наук любя, о пользе их вещаю;
Преобразилася искусством их земля,
Златою жатвою оделися поля;
Чрез некое сложась как будто чародейство,
Употребляется металл и древо в действо;
Влечется по полям волами тяжкий плуг,
Серпы меж класами и косы блещут вкруг;
Устроив твердыя стремленью вод оплоты,
Пшено преводим в хлеб без тяжкия работы;
Вращеньем жерновов, движением колес,
Как манна пища нам дается от небес;
Преображается в услуги людям камень;
Текут потоки руд, смягчит железо пламень;
Ах! Лучше б нужный сей, но бедственный металл,
В утробе у земли сокрыт вовек лежал!
Не проливались бы во бранях крови реки!
Но средства к пагубе нашли бы человеки....
Не станем вображат мы в нем ни зла, ни бед,
Железо нам дано на пользу, не на вред.
Что жнем, что мы в градах стенами окружены,

Механике мы тем в сей жизни одолжены;
Да жизнь бы наша течь безпечнее могла,
Механика на то орудия дала;
Она людей слагать машины научает,
И тяжесть всей земли, как мнится, облегчает.
Когда через моря стремятся корабли,
Они бы на угадь в пучине вод текли,
Когда б через свою великую науку
Нам Астрономия не подавала руку:
Не знали бы тогда течения небес,
И Божьих в мире сем не ведали чудес.
Всеобщий дом людей знать должно человеку;
Объехать шар земный, его не станет веку:
Но царства и моря подробно описав,
На верных чертежах нам кажет Географ.
Цветущие сады в восторг меня приводят!
Там роды всех древес глаза мои находят;
Европа с Азией быть мнятся сложены;
И тем Ботанике мы есть одолжены.
Хоть мы естественным разсудком одаренны,
Но брать дела других примером принужденны.
Герой! в урок труды геройские бери;
Ученый! на дела мужей ученых зри;
И сладостный Витий, и ты стихов писатель!
Будь славимых певцов в искусстве подражатель.
Но где удобнее примеры мы найдем,
Когда мы бытия народов не прочтем?
Одно прошедшее нам подвиги вещает,
Людей животворя, разсудки просвещает.
Когда нам о каких деяньях говорит,
Их сущность внемлет слух, их действие око зрит.
Минует все для нас, когда и мы минемся,
В Истории мы жить на долго остаемся.
Полезный обществу и славный человек,
Жизнь кончит, но живет в летописаньях век;
История ковчег для памяти отверзла,
Без ней Ассирия и Греция б исчезла;
Забвен бы навсегда был нами древний Рим,
Во храме славы где людей великих зрим;
Печальны образцы всеобщей перемены,
Под пеплом скрылись бы Пальмира, Карфагены.
В развалинах веков был вечно бы сокрыт
И кроткий Антонин, и милосердый Тит;
Вселенной на театр История выводит,
Что дух наш веселит, что ужас производит.
Мне жизни Титовой милые день един,
Чем весь твой громкий век, Филиппов гордый сын!
Лик некий Божества я в Кодре обретаю,
В Аврелие отца народов почитаю.
Добра и зла мы зрим смешенье на земли;
Но злое отметаю, а доброму внемлю...
В возторг приводит нас делами ПЕТР ВЕЛИКИЙ;

Он лучшими людьми народ соделал дикий,
И славой превзошел великих всех Царей:
Достоин будь и ты, о ПАВЕЛ! алтарей.
Болезнь изкоренять (болезни облегчить),
Мы тело слабое стараемся лечить;
Грозил б в немощи нам всякой час кончина,
Когда б не знала средств к лечению Медицина;
Она причины всех недугов испытал,
Нам здоровье дает через составы трав;
И тела нашего исследовав сложенье,
Дает и крепость сил, дает и вспоможенье.
Нас учит Логика исправно размышлять,
Доводы утверждать, идеи составлять.
Натуры таинства испытывает Физик,
О свойстве наших чувств толкует Метафизик,
О нашей нам душе понятие дает,
И в лабиринт сердец по верви нас ведет.
Мы видели б одне противны взорам груды,
Когда бы Химия не разделяла руды;
Она отняв у них земли нечистоту,
Дает им светлый блеск, приличну красоту;
Когда бы руд ковать, ни плавить не умели,
Мы зданий, ни одежд, ни книг бы не имели.
О Божьем существе, о существе своем,
Через Богословие мы нечто познаем;
Оно от мрака нас ко свету обратило,
Оно и жезл для нас, и наших душ светило.
Искусною рукой с природы сняв покров,
Нам прелести ея являет Философ;
Он в книге естества сокрытый смысл читает,
Запутанны узлы находит, разплетает,
И сокровенное от наших тусклых глаз
Он учит осязать, внимать и видеть нас,
Наш разум просветить, исправить наши нравы,
Предписывает нам полезные уставы.
Для блага общаго потребен нам закон,
Светилом царств земных наречья может он,
Которым суть равно все люди озаренны,
Все должны быть его глаголам покоренны;
Друг друга частное блаженство поддерживать,
Родимся мы, права граждански уважать.
Юриспруденция законов смысл толкует;
В ней светит истина, в ней совесть торжествует;
Неколебимыя весы в ея руках,
Для безпристрастия завеса на очах.
Алгебра всех вещей о дробном свойстве мыслит;
Она земных телес, планет движенье числит;
Где Арифметика не может поспешить,
Алгебра знаками мгновенно то решит.
Как мудрый Астроном небесну знает сферу,
Такое надобно вниманье Землемеру;
Через линии он, чрез точки, чрез углы,

Понятие извлечь удобен изо мглы.
Нас учит рассуждать размерно Математик,
Искусно воевать дает законы Тактик.
От непредвидимых спасать державу бед,
Военный Зодчий нам уставы подает;
От многих с горстью войск он учит защищаться,
Архитектурой град удобен украшаться.
Разтрогать, убедить, сердца к себе привлечь,
Потребна сладкая Ораторская речь;
Она вздремавшее геройство пробуждает,
К порокам ненависть, к добру любовь рождает.
Красноглаголивый коль силен есть язык,
С Дунаю доказал то Августу мужик;
И Курций Скифону вовеки речь прославил,
Убийце Клитову котораго представил.
В Божественных стихах оставил нам Гомер,
Как разум возхищать, как дух пленять, пример;
Глася геройскою кроваву брань трубою,
Он движет, кажется, полки перед собою;
Там слышен свист стрелы, там ржание коня,
Власы подъемлются при битвах у меня.
Коль живо кисть его сражение рисует!
Везде пленяет он, везде он торжествует.
Обязаны мы тем Гомеровым стихам,
Что знаем Ахиллес и храбрый Гектор нам;
Сей дар внушается героев ради славы,
Возторг в душах раждать, смягчить и чистить нравы.

От зверя на земли различествуем чем,
Сиянию наук обязаны мы тем;
Полшара нашего науки просветили,
Там ночь невежества, где луч наук, затмили;
Художества от них воспринял смертных род,
Компасы, микроскоп, орудия и флот.
В России зримы днесь ПарнаССы, Геликоны,
Под сению цветут Монаршия короны.
ПЕТР создал храм для Муз в начале при Неве,
Преславна Дщерь Его воздвигла храм в Москве.
К отраде севера, когда ты в свет родился,
В тот самый год в Москве Минервин храм явился;
Оливы вокруг его раченьем Муз цветут.
Когда созрешь ты, оливы плод дадут.
Ступай, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ! наук в обширно поле:
Там Музы ждут Тебя; от них узнаешь боле.